

The book cover features a man and a woman with large, dark, feathered wings. The man, on the left, has dark hair and is wearing a black tuxedo. The woman, on the right, has long blonde hair and blue eyes, wearing a red off-the-shoulder dress. They are holding a single white rose together. The background is a vibrant green with a smoky, ethereal texture and some red sparks or embers floating around. The title and author's name are written in white, bold, sans-serif font.

Яна Белецкая

Сын Зари
Наследие

Яна Белецкая
Сын Зари. Наследие
Серия «Сын Зари», книга 2

<https://litres.ru/74316278>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наследникам Короля Ада, близнецам Аарону и Астарте, исполняется двадцать пять лет.

Она — карающий меч династии, он — её холодный разум: в судейском кресле Аарон видит души насквозь и выносит самые изощрённые приговоры.

Его авторитет непререкаем, а сердце — арктический лёд. Порядок рушится, когда в нижние уровни попадает новая заключённая — девушка, совершившая страшный грех ради свободы. Одно мгновение — и судья охвачен пугающим чувством: Аарон решает пойти против правил Бездны и добиться помилования той, кто заслуживает вечных терзаний. Ему предстоит противостояние с собственным отцом — Дьяволом.

В это же время Астарта взламывает космический баланс ради запретной страсти к ангелу.

Их тайный альянс Тьмы и Света признан диверсией. Четвёрку заговорщиков ждёт Высший Трибунал, где требуют полного стирания их кодов из мироздания.

Но что произойдёт, когда на пороге страшной казни сам Люцифер поддержит заговорщиков, а цена за спасение любви окажется страшнее, чем выжигание души?

Содержание

Глава 1. Гора света	5
Глава 2. Бал	13
Глава 3. Наряд	21
Глава 4. Танец страсти	28
Глава 5. грех	34
Глава 6. Белое полотно	40
Глава 7. Судья	46
Глава 8. Лавка Князя Похоти	52
Глава 9. Смерть	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сын Зари. Наследие

Глава 1. Гора света

Аарон

Меня зовут Аарон. Мое имя в древних земных писаниях буквально переводится как «Гора света» или «Просвещённый». Как позже рассказали мне родители, им обоим одновременно пришло на ум это имя во время величественного восхода солнца в мистической алтайской долине Ярлу. Они приняли решение, заворуженно глядя на ослепительно сияющую неоновом-розовым пламенем гору Белуху на самой утренней заре. Мои родители до сих пор считают это уединенное земное место своим главным источником силы и их великой любви.

Кстати, родители у меня отнюдь не простые смертные существа. Мой Отец — великий, непреклонный Правитель Ада, чистокровный ангел, который родился на заре творения, чтобы в итоге стать Дьяволом. Он для меня — пример во всем, непререкаемый авторитет. Он — тот великий ориентир, на свет которого я всегда смотрю с немим восхищением. Я искренне хочу во всем походить на него, хочу быть по-настоящему достойным сыном своего грозного отца.

Мать моя, моя дорогая, любимая мама, была рождена

обычной земной женщиной, но со временем стала сильнейшей, уникальной колдуньей-врачевательницей, мудрейшей Королевой Ада. Она родилась человеком только для того, чтобы пройти сквозь смерть и стать величайшей Дьяволицей. Имя её — Рината.

У нас далеко не самая стандартная семья во Вселенной. Мама за годы своего правления принесла в суровые чертоги Ада много привычных вещей и традиций из её прошлой земной жизни. Мы теперь регулярно справляем различные праздники, устраиваем грандиозные адские балы... которые просто до безумия обожает моя сестричка Астарта.

Мы с ней — близнецы. У нас, как мне часто кажется на глубинном ментальном уровне, одна-единственная на двоих бессмертная душа. Ближе и дороже, чем моя сестренка, для меня в этом мире просто никого не существует.

Так вот, на чем я остановился... Ах да, на значении моего имени. Для законного сына Люцифера, чье имя изначально переводится как «Несущий свет», мое имя Аарон означает прямую, неразрывную преемственность власти. Я — новая, неизведанная вершина адского просвещения. Я тот, кто в полной мере унаследовал абсолютный, холодный ангельский интеллект своего отца.

Моя сестрёнка, добродушно посмеиваясь, часто говорит, что я — ходячее живое хранилище допотопных тайн, сакрального генетического кода Седьмого неба и древней, разрушительной магии Преисподней. И в чём-то она права. Се-

годня нам с сестрой исполняется ровно двадцать пять лет с того самого момента, как мы впервые родились здесь, в Аду.

Ох, Астарта больше всех остальных праздников, которые мама так бережно привнесла в Ад, обожает именно этот. Люди называют его «днём рождения». Я всегда, с самого раннего детства, искренне считал это глупой человеческой нелепостью: зачем нам, бессмертным высшим сущностям Бездны, кропотливо отсчитывать по несовершенной земной шкале какой-то там день рождения?

Но наш великий Отец всегда поразительно снисходителен и ласков к любым хотелкам своих любимых женщин. Мама и Астарта — единственные существа во всей обитаемой Вселенной, кто умудряется безнаказанно вить из грозного Дьявола прочные верёвки и всегда получать желаемое.

Расскажу вам по секрету ещё один забавный, но показательный факт. Мама давным-давно приучила отца регулярно дарить ей свежие земные растения — цветы. От мгновенного перемещения через раскалиённые пространства и от тяжёлого, специфического климата Ада эти хрупкие бутоны способны прожить в сосуде с водой всего лишь тридцать коротких минут. Но мама в эти полчаса выглядит абсолютно счастливой, а отцу для покоя большего и не надо. Он готов выворачивать миры ради её улыбки.

Так вот, сегодня в наших чертогах наступает тот самый пресловутый земной праздник. Ну и, конечно же, Астарта ни за что не оставила бы свою безумную идею отгрохать по

этому поводу масштабный бал. Все обитатели Бездны просто обожают эти торжества... все, кроме одного меня.

Я искренне надеюсь, что, как и всегда в таких случаях, выждав удобный момент, смогу незаметно сбежать. К тому же, у меня прямо сейчас накопилась целая куча неотложных дел с заключёнными.

Я был рожден для этой миссии — вершить судьбы грешных душ. Среди моих подсудимых были убийцы, самоубийцы, садисты и предатели самого разного характера и сути. Для этой работы у меня есть личное пространство. На Земле его, пожалуй, назвали бы залом суда. Мое судилище представляет собой гигантскую двухуровневую сферу, затерянную в глухих тектонических карманах Бездны.

На первом, самом нижнем уровне мои подчиненные демоны собирают новоприбывших. Каждый грешник здесь намертво закован в тяжелые адские кандалы и наручники. На шеях у самых изощренных и опасных преступников змеятся массивные железные цепи. Мои демоны-конвоиры безжалостно дергают за эти поводья, заставляя испуганное стадо подниматься с колен и покорно идти ко мне на суд.

Пространство первого яруса до отказа заполнено гнетущим мраком и липким мороком. Там нет ничего, кроме устрашающей, звенящей тишины, сквозь которую эхом пробиваются плач и стоны сотен человеческих душ. По привычке они ждут банальной земной мифологии: думают, что сейчас их начнут поджаривать на адских сковородках. Но

эти несчастные даже понятия не имеют, что такое настоящая Преисподняя, и что для каждого из них у меня заготовлен персональный кошмар. То, что ожидает их здесь, гораздо страшнее и тоньше всех кругов легендарного Ада Данте.

Второй этаж этой сферы я сделал более контрастным, торжественным и жутким. Заключенного ведут вверх по крутой каменной лестнице, которая упирается прямоком в мое судилище. Наверху грешник ступает босыми, дрожащими ногами на роскошную бархатную дорожку насыщенного красного цвета. Красная она не от краски, а от крови тех, кто шел по ней до него. Дело в том, что сквозь этот мягкий бархатный ковер насквозь прорастают тысячи огромных, бритвенно-острых шипов от роз.

Кстати, я люблю розы. Меня по-настоящему завораживают именно белые розы — они кажутся такими невинными, беззащитными, но скрывают под своими лепестками смертоносные иглы. Прямо как моя любимая сестра.

Преодолевая дикую, обжигающую боль, грешник медленно идет по этой дорожке. Путь через шипы кажется ему бесконечным, растянувшимся в персональную вечность. К моменту, когда несчастный наконец добирается до конца яруса и предстает перед моим судейским столом, он без сил падает на колени прямо к подножию обсидианового трона. Израненный, окровавленный и сломленный, он готов целовать камни и истошно молить о пощаде.

И тогда я открываю его адское дело. По каждому подсуди-

мому мои секретари приносят старинные потемневшие свитки пергамента. К той секунде, когда грешник в слезах опускается у моих ног, я уже досконально, до малейших ментальных клеточек изучил его земной грех. Я смотрю на него сверху вниз, полностью готовый вынести свой последний, нерушимый вердикт.

Что же касается моей белокурой, кудрявой сестрички... Несмотря на её обманчивый, абсолютно чистокровный ангельский внешний вид, внутри Астарта — настоящая, беспощадная воительница. Само её имя олицетворяет первобытную, неукротимую силу древних культов. Она словно физически стала живым щитом и карающим мечом нашей дьявольской династии, готовая разорвать любого за нашу семью.

Астарта сполна унаследовала от отца его чистую ангельскую гордость, бунтарский, непокорный дух и сокрушительную боевую ярость. Она — истинное, яростное пламя Бездны. Иногда в своей страсти к сражениям и тренировкам на аренах Преисподней она настолько сильно перегибает палку, что мне кажется, её дикая натура куда ближе к хрестоматийным кентаврам-воинам, не знающим пощады и страха, чем к мирным обитателям миров. Эта девочка — настоящая война, вечно бурлящая первородным огнём и раскалённой лавой.

И сегодня эта «война» в адских чертогах будет блистать на балу в честь нашего двадцати пятилетия. Если, конечно,

я успею скрыться до того, как она заставит меня танцевать.

В мои просторные покои, мгновенно нарушая тишину и размеренное течение мыслей, вихрем ворвалась красивая, белокурая дьяволица с глазами пронзительного цвета арктического льда.

— Братик, ты всё ещё не готов! Помоги выбрать: это украшение или вот это? — с ходу затараторила она, не давая мне вставить и слова.

Сестра порывисто протянула мне свои изящные ладони, на которых лежали два кулона. Один тускло отливал рубиновым блеском, второй искрился россыпью мелких алмазов, но ни один из них не подходил к её бунтарской, пылающей огнём натуре.

— Сестричка, ни тот и не этот, — хладнокровно, словно отрезал, тихо произнёс я, отводя её руки в сторону.

В её льдисто-синих глазах я в ту же секунду отчётливо прочитал искреннее недоумение и немой вопрос. Не дав ей и слова молвить в ответ на мой жест, я плавно запустил руку в карман своего строгого камзола и протянул ей небольшую, обтянутую чёрным бархатом шкатулку.

— Сестрёнка, это подойдёт тебе куда больше.

Астарта затаила дыхание. Её пальцы бережно приподняли крышку, и в ту же микросекунду комната озарилась мягким, глубоким сиянием.

— Брат! Какая красота! — восхищённо выдохнула дьяволица.

Глаза моей сестры озарились ответным светом роскошных фиолетовых камней, искусно вправленных в массивную подвеску и изящные серьги. Ювелир Преисподней постарался на славу: в глубине огранки самоцветов, казалось, плясало само первородное пламя Бездны, идеально гармонируя с её белокурыми кудрями.

— С днём рождения, моя дорогая Астарта, — мягко, с той редкой теплотой, которую я позволял себе проявлять только рядом с ней, улыбнулся я.

— Братик, нам пора! Мой подарок получишь на балу!

Дьяволица игриво выбежала из комнаты, а я нехотя пошёл за ней, на этот чёртов бал...

Глава 2. Бал

Праздник проходил как обычно — в Зеркальном зале. Это колоссальное пространство нулевой гравитации Отец создал специально для адских балов.

Здесь не было ни привычных стен, ни пола, ни потолка. В бесконечной пустоте застыли сотни обсидиановых платформ разного размера. На их иссиня-чёрных, глянцевых гранях горели мириады восковых свечей. Окружающее пространство дышало живой геометрией. Вместо твёрдых опор пустоту замыкали бесчисленные, идеально гладкие зеркала причудливых форм. Огни парящих свечей дробились в их гранях, преломлялись и уходили в бесконечную перспективу, создавая ослепительную иллюзию. Зал заливал яркий, почти гипнотический свет.

В самом центре этой пространственной аномалии парила огромная полусфера из чистейшего прозрачного стекла. Внутри неё разместился адский оркестр, собравший самых пугающих гениев в истории человечества.

Среди виртуозов ушедших эпох выделялся Джузеппе Тартини. Когда-то он встретил моего Отца в своём кошмаре. Тогда Отец взял в руки скрипку и показал ему дьявольскую трель — безумную, технически невыполнимую мелодию, ставшую сложнейшим произведением своего времени.

Конечно же, среди музыкантов был и Никколо Паганини. Его пальцы двигались с неестественной, пугающей беглостью, а суставы изгибались под нечеловеческими углами. Смертные искренне верили, что за спиной маэстро на концертах стоял сам Дьявол, направляя его смычок. Эти слухи оказались настолько сильны, что после смерти Паганини католическая церковь долгие годы запрещала хоронить его в освящённой земле. И это не было домыслами — Отец действительно лично направлял его руку.

Разумеется, адский бал не мог обойтись без Моцарта. Вольфганг Амадей Моцарт, чья гениальность казалась современникам пугающим отклонением. Финальным аккордом его жизни на Земле стало создание «Реквиема» для таинственного «чёрного человека». Дася, этим заказчиком был всё тот же Люцифер — мой Отец. Великие музыканты не отбывают в Аду своё наказание. Они обитают здесь на правах почётных гостей и друзей Дьявола, с упоением исполняя свои шедевры, которые когда-то сочинили вместе с ним.

Среди приглашённых гостей блистали высшие демоны. Вот лениво застыл на парящей платформе Маммон — само воплощение ненасытной Алчности. Неподалёку от него вальяжно расположился Асмодей, демон похоти и по совместительству лучший друг моего Отца. В шутку я часто зову его «дядюшка Асмо». Он каждый раз картинно хмурится и делает вид, что искренне злится, — всё-таки статус Князя Тьмы обязывает держать лицо. Чуть поодаль, окружённые

свитой, восседали Вельзевул, повелевающий чревоугодием, и вечно сонный Бельфегор, демон лени.

Следом за ними прибыли архидемоны: Баал, Астарот, Пеймон... Вся высшая знать Преисподней явилась в сопровождении своих высокомерных демонесс.

Дресс-кодом в этом году Отец объявил венецианский бал-маскарад — высшую точку знаменитого карнавала, превращённую здесь в строгий, почти сакральный театрализованный ритуал. Главное правило этого вечера гласило: абсолютная анонимность. Маска и костюм призваны полностью скрыть личность, стирая социальные, возрастные и даже любые пространственные границы.

Адский бал требовал безупречного соблюдения исторического костюма эпох барокко и рококо. Лорды Преисподней облачились в камзолы — длинные приталенные кафтаны без воротников, расшитые тяжёлыми золотыми нитями, и кюлоты, дополненные белыми шёлковыми чулками. Мрачные накидки табарро и тренкадо — длинные чёрные плащи и шёлковые пелерины на плечах — идеально завершали жуткий образ в сочетании с масками, превращая мужчин в безмолвные, парящие в невесомости тени.

Наряды демонесс слепили роскошью тяжёлых, баснословно дорогих тканей: глубокого бархата, плотной парчи, глянцевого атласа и шёлка. Каждое платье декорировалось тончайшим брюссельским кружевом и изящной вышивкой ришелье. Облачённые по моде стиля рококо, они походили на

экзотические цветы — экстремально пышные юбки на жёстких каркасах панье делали их силуэты плосковатыми спереди, но невероятно широкими по бокам.

Впрочем, в структуры, созданной Люцифером, эстетика никогда не существовала сама по себе. Пышные исторические наряды подчёркивали строгую геометрию и изящество адской иерархии, а маски скрывали истинные цифровые коды демонов. Выбор личины для каждой касты был строго просчитан. Маска здесь — не просто украшение, а функциональный интерфейс, отражающий рабочие задачи и системный статус сущности.

Самой популярной среди демонов оставалась Баута — зловещая белая маска с резко очерченным, выступающим вперёд «носом» и скошенной нижней частью, искажающей голос. Демонессы в этот раз поголовно выбрали Даму — изысканный, богато украшенный лик, который венчали сложные высокие причёски, павлиньи перья и россыпи проклятых драгоценностей.

Но истинной классикой этого мёртвого жанра оставался Чумной доктор — маска с длинным, хищным птичьим клювом. Когда-то на Земле она носила чисто практический характер: врачи закладывали в клюв целебные травы, спасаясь от трупного смрада чумы. Но в залах Отца, переродившись, она стала самым зловещим, стильным и пугающим символом карнавала.

Отец и Мама расположились в главной ложе этого безум-

ного пространства, монументально высеченной из цельных глыб обсидиана и украшенной драгоценными камнями, которые тускло мерцали в свете тысяч свечей. Оттуда, с недосягаемой высоты, они безмолвно взирали на хаос карнавала.

— Брат! — тонкие пальцы резко дёрнули меня за расши-
тый рукав камзола.

Я обернулся. Предо мной стояла Астарта.

— Какой красивый праздник, верно? С днём рождения, брат мой. Близнец моей души, — нежно прошептала она.

Её глаза за стёклами маски сияли искренним теплом, столь редким в этих чертогах.

— С днём рождения, — улыбнулась дьяволица и протянула мне продолговатый свёрток, перевязанный шёлковой лентой.

Я аккуратно развернул плотную ткань. На ладонь легли увесистые карманные часы в изящном корпусе. Но когда я отщёлкнул крышку, то не увидел привычного циферблата — стрелок не было. Вместо них под толщей прозрачной, застывшей смолы покоился маленький, так и не распустившийся бутон белой розы.

— Братик, в Аду нам без надобности время, — тихо, но отчётливо произнесла Астарта, заглядывая мне в глаза. — Я знаю, как ты любишь белые розы, и знаю, что они не способны выжить в нашей удушливой атмосфере. Этот бутон залит смолой, чтобы сохранить его хрупкую красоту. Я вижу, как сильно ты сосредоточен на системной работе. В твоём холод-

ном сердце просто нет места для самой жизни. И в наш общий день рождения я желаю тебе обрести эту жизнь. Найти на неё время.

Она коснулась ладонью прохладного стекла часов.

— В тот самый миг, когда твоя душа наконец расцветёт, этот бутон распустится прямо под мёртвой смолой. Это станет знаком, что ты на верном пути. Позволь этим волшебным часам подсказать тебе дорогу.

Я не успел ничего ответить. В следующую же секунду Астарта плавно отступила назад и буквально растворилась в пёстром, шуршащем потоке пышных платьев и безликих масок кружащихся демонесс. Ошеломлённый и растерянный от такого подарка, я ещё несколько мгновений смотрел на застывшую под смолой розу. Затем бережно спрятал часы в потайной внутренний карман камзола — поближе к сердцу.

Строгий дресс-код отцовского бала сыграл мне на руку. Скрытый маской Баута, я мог больше не мучить себя притворством и наконец сбежать из этой шумной клоаки. Не снимая глухой белой личины, я спустился в самые низы Ада — в свою личную Судейскую сферу. Мне отчаянно хотелось выдохнуть, побыть в тишине и обдумать пару залежавшихся дел высокопоставленных заключённых. Однако одиночество длилось недолго.

Едва я переступил порог первого этажа стеклянного купола, как взгляд зацепился за дальний угол. Там, съёжившись на холодном полу, сидела скованная кандалами девушка. На

ней не было ни тяжёлого бархата, ни кружев — лишь простое, длинное ситцевое платье белого цвета. Она сидела совершенно одна, испуганно обнимая худые колени.

Завидев меня — высокую, угловатую фигуру в зловещей карнавальной маске, — пленница вздрогнула от ужаса. Я тоже никак не ожидал застать здесь кого-то в разгар всеобщего праздника.

— Почему вы здесь одна? — спросил я.

Голос, искажённый скошенным низом маски, прозвучал глухо и резко. Впрочем, ответ я знал и без неё: её адский страж наверняка нацепил домино и пустился в пляс на балу Люцифера, бросив грешницу здесь до завтрашнего утреннего судилища.

— Я не знаю... Мне сказали ждать здесь, — растерянно произнесла она, едва слышно шелестя словами.

Я подошёл ближе. Мрак Судейской сферы внезапно пререзает чистый, пронзительный свет её изумрудных глаз. В ту же секунду в моей груди — прямо там, где в потайном кармане покоился подарок сестры, — что-то странно, ощутимо щёлкнуло.

— Знаешь, в Аду сегодня великий праздник, — тише добавил я, стараясь сбавить командный тон. — Ты совсем не вовремя сюда попала.

Грусть и глубокое смятение мгновенно отравили изумрудный блеск её взгляда. Мне стало физически невыносимо смотреть на то тонущее, беззащитное горе, которое эта де-

вушка излучала в моей ледяной обители. Рациональный судья внутри меня сбоил. Я принял импульсивное, абсолютно безумное решение прекратить это немедленно.

— Вы... Ты хочешь на бал? — с неестественной, почти приказной резкостью спросил я.

— А разве... можно? — она удивленно округлила глаза, глядя на мою страшную маску.

— Можно.

Я уверенно протянул ей руку в чёрной перчатке, и она, немного помедлив, вложила в неё свою маленькую ладонь, бледную и хрупкую, словно фарфор. Одним лишь коротким, концентрированным взглядом я высвободил демоническую волю и с сухим треском разрубил сковавшие её кандалы. Назад дороги не было.

Крепко удерживая её пальцы, я увёл её за собой, прочь из стеклянных стен Судебной сферы — прямиком в сияющий адский хаос.

Глава 3. Наряд

Мы вышли из судилища, и сухая, удушливая атмосфера Ада мгновенно ударила в лицо. Я так и не снял белую маску Баута — её зловещая анонимность сейчас была мне только на руку. Прячась за фарфоровым ликом, я впервые в жизни мог позволить себе те вольности, которые никак не укладывались в моём обычном структурном разуме. Я словно выпустил наружу другого себя, высвободившись из тисков хладнокровного адского судьи, который привык строго следовать правилам Преисподней и никогда не допускал оплошностей.

— А куда мы теперь пойдём? — робко спросила девушка, едва поспевая за моим широким шагом.

— Сейчас заглянем в одно место. На тебе абсолютно неподходящий наряд для торжества. Люцифер объявил бал в венецианском стиле, а там чтут традиции. Держись крепче.

Я уверенно приобнял девушку за тонкую талию, и в следующую секунду пространство вокруг нас схлопнулось. Мы переместились в один из потаённых лабиринтов.

Мы приземлились посреди огромного швейного цеха. Нас встретил оглушительный, ритмичный гул сотен промышленных швейных машин и оверлоков. Воздух был плотным, горячим и влажным — от мощных утюгов и отпаривателей во все стороны валил сизый пар. За рабочими столами, низко

склонившись, сидели грешники. Они беспрестанно что-то строчили, обмётывали края и собирали бесконечные оборки. Чуть поодаль, за колоссальным столом для раскроя, измождённые люди с глухим стальным стуком вонзали тяжёлые портновские ножницы в плотные отрезы тканей, выкраивая сложнейшие детали по детально прорисованным лекалам.

— Мы в адском ателье? — едва расслышав собственный голос из-за шума, спросила спутница.

— Что-то вроде того, — глухо отозвался я из-под маски. — Здесь грешники отбывают своё наказание, буквально создавая роскошь для демонической знати. Души людей, которые на Земле были эгоистичными модельерами, нещадно эксплуатировали чужой труд в потогонных цехах или создавали индустрию фальшивого пафоса, теперь заперты в симуляции вечной швейной фабрики. Они обязаны вручную вышивать канителью тончайшие узоры на километрах парчи, беспрестанно кроить тяжёлыми, ломающими пальцы ножницами и до кровавых мозолей строчить на старых, грохочущих машинах, один вид которых привёл бы в ужас изнеженных земных кутюрье. Я обвёл взглядом стеллажи, заваленные рулонами шёлка, бархата и готовыми кринолинами.

— Здесь мы добудем тебе платье и маску.

Заметив знакомый силуэт, я направился к одному из столов. Там высокий, истощённый мужчина в полуистлевшем щегольском костюме лихорадочно драпировал по косой тя-

жёлую юбку на манекене, с ювелирной точностью закалывая складки портновскими булавками.

— Эй, Пьер! — окликнул я его, и мой искажённый маской голос заставил портного вздрогнуть. — Без лишних вопросов и долгих примерок. Подбери даме платье эпохи рококо и маску. Живо.

— Сию... сию минуту, ваш блеск! — сбивчиво запричитал мужчина, испуганно выронив подушечку с булавками. Он поспешно поклонился и растворился в глубине цеха, между вешалками с готовым адским гардеробом.

Вскоре из тёмных недр цеха снова показалась изнеможённая фигура кутюрье. Пьер едва удерживал на весу колоссальную, громоздкую стопку тяжёлых платьев. Ткани переливались всеми оттенками глубокого пурпура, изумруда и полупрозрачной синевы. Особую, почти неподъёмную тяжесть нарядам придавало ручное золотное шитьё и витиеватая вышивка, густо инкрустированная огранёнными проклятыми камнями. От каждого его шага платья издавали глухой, благородный шорох плотного шёлкового жаккарда и парчи.

— Мадемуазель, прошу вас, в примерочную! Прощу, выбирайте... — запричитал Пьер.

Его судорожно трясущиеся, костлявые пальцы с исколотыми иглами подушечками лихорадочно принялись развешивать наряды на кованые рейлы. Металлические плечики со звоном ударялись друг о друга, являя взору жёсткие лифы на китовом усе, многослойные кружевные воланы и пышные

юбки с нижними каркасами.

Девушка, заворожённая этим зловещим великолепием, осторожно прикоснулась к шёлку. Затем она выбрала один из нарядов и скрылась в светлой примерочную кабине, которая отделялась от шумного цеха тяжёлой, глухой трёхметровой шторой из чёрного бархата.

Преображение началось. Из-за плотной ткани до меня доносился лишь тихий шорох снимаемого ситца, тугой треск затягиваемых корсетных шнуров и приглушённые вздохи Пьера, который отправился за штору помогать справляться со сложной конструкцией исторического платья.

Через некоторое время ко мне вышла моя новая знакомая.

Тяжёлая бархатная штора бесшумно скользнула в сторону, и на мгновение мне показалось, что весь грохот адского цеха стих. Избавившись от простого ситца, девушка выглядела так, словно сошла с парадного полотна безумного земного живописца.

Она выбрала платье эпохи рококо глубокого ночного оттенка — цвета грозового неба, переходящего в антрацитовый блеск. Лиф наряда, укреплённый жёстким внутренним корсетом из китового уса, бескомпромиссно утянул её талию, придав осанке величественную, почти царственную строгость. Спереди лиф венчало треугольное stomacher, сплошь расшитое серебряной канителью и калиброванным речным жемчугом, который тускло мерцал, словно далёкие созвездия.

Широкое, каплевидное декольте «ан-шеллен» дерзко обнажало хрупкие ключицы и бледную, фарфоровую кожу шеи, создавая разительный контраст с тёмной тканью. Края выреза были деликатно оторочены многослойным брюссельским кружевом ручной работы, плавно переходящим на узкие рукава длиной до локтя, которые завершались пышными каскадами кружевных воланов-пагод.

Но настоящим триумфом обречённого кутюрье была юбка. Закреплённая на экстремально широком двухметровом каркасе-панье, она делала силуэт девушки невероятно монументальным по бокам, но плоским спереди. Тяжёлый шёлковый жаккард ниспадал глубокими, скульптурными складками, а по центру распашного платья открывалась нижняя юбка из серебряной парчи.

Вся её поверхность была покрыта тончайшей, рельефной вышивкой ришелье, где шёлковые нити переплетались с мелкой крошкой чёрных алмазов. Узор имитировал выющийся терновник — стебли обвивали подол, вонзаясь блестящими шипами в серебряное поле.

В её руках была маска «Дама», выполненная в тон платью, с высоким султаном из матовых вороних перьев. Девушка сделала несмелый шаг вперёд на непривычно высоких каблуках-рюмочках. Она слегка придерживала руками необъятные бока юбки, и в этом жесте было столько хрупкой грации, что в моем потайном кармане камзола — прямо напротив сердца — серебряный корпус часов Астарты внезапно обдал

кожу едва уловимым, но явственным теплом.

Свет её изумрудных глаз под влиянием платья цвета грозового неба изменился, налившись глубоким, тёмно-зелёным оттенком. Она смотрела на меня сквозь зеркало примерочной, затаив дыхание.

— Последний штрих, моя прекрасная незнакомка, — негромко произнёс я.

Подойдя к ней со спины, я осторожно коснулся её длинных, удивительно мягких волос медного цвета. Вновь пробуждая в себе магию Преисподней, я заставил демоническую волю течь по венам. Прямо из моих расшитых рукавов, просочившись сквозь пальцы, бесшумно выползли две маленькие аспидно-чёрные змейки. Подчиняясь моему мысленному приказу, они скользнули в густые медные пряди.

Девушка замерла, но не отпрянула. Тонкие гибкие тела змей, мерцая глянцевой чешуёй, принялись ловко переплетаться с её волосами, увлекая их вверх и собирая в высокую, изысканную причёску эпохи рококо. Завершив работу, создания скрестились у основания получившегося узла и мгновенно застыли, превратившись в одну монолитную, невероятно красивую витиеватую заколку из живого обсидиана.

— Этот аксессуар поможет тебе не только завершить образ, — я убрал руки, любуясь результатом, — но и надёжно скроет твою человеческую энергетику от чутких носов высших демонов. А теперь нам пора. На адском балу явно не хватает такой красоты.

Я протянул ей руку, укрытую чёрной тканью перчатки. Девушка решительно надела маску «Дама», скрывая своё лицо за изящным фарфором, и сделала шаг навстречу адскому хаосу.

Глава 4. Танец страсти

Мы ворвались на адский бал в самый его разгар. Зеркальный зал нулевой гравитации напоминал безумный калейдоскоп: демоны и демонессы кружились разноцветными вихрями, подчиняясь виртуозным, почти осязаемым звукам скрипки Тартини. Смычок маэстро извлекал из струн ту самую дьявольскую трель, которая заставляла парящие обсидиановые платформы едва заметно вибрировать.

Каждый гость был слишком занят собой. Высшие чины Преисподней, укрытые плотными масками, упивались собственным величием, роскошью нарядов и мимолётным ощущением вседозволенности. Благодаря карнавальным личинам и моим аспидам, надёжно запечатавшим человеческую ауру спутницы, никто вокруг даже не заподозрил, что принц Ада тайно привёл в зал живую смертную. Нас приняли за очередную высокородную пару из дальних кругов Бездны.

Моя спутница стояла, замороженная этим хаотичным величием. К моему удивлению, в её позе не было ни капли рабского страха. Напротив, я отчётливо чувствовал, как её чистая душа буквально ликует, откликаясь на сумасшедший ритм музыки. В ней определённо крылось нечто иное — она совершенно не походила на обычных, сломленных ужасом грешниц, которых я ежедневно видел на судейском эшафоте.

Я плавно заскользил в невесомости, сокращая разделявшее нас расстояние. Наклонившись к её точёному уху, скрытому медным локоном, я выдохнул сквозь скошенный край маски:

— Ну что, потанцуем? Мой голос прозвучал глухо, с бархатистым демоническим рокотом.

— Нет, это не вопрос. Это приказ. Приказываю тебе танцевать со мной.

Я почувствовал, как она улыбнулась, хотя её лицо было надёжно скрыто под изящным фарфором маски «Дама». Эта невидимая улыбка стала её безоговорочным согласием. Наплевав на придворный этикет, я резко притянул её за тонкую талию к себе. Моя правая рука в чёрной перчатке плотно легла на жёсткий корсет её платья, и я уверенно повёл танец, увлекая нас в эпицентр адского безумия.

Абсолютное отсутствие гравитации диктовало свои правила: этот танец не был похож на чопорный земной вальс, он был трёхмерным, хищным и по-настоящему дьявольским. Мы сорвались с невидимой опоры, взмывая ввысь между парящими зеркалами. Тяжёлые юбки её платья цвета грозового неба взметнулись вверх, словно крылья гигантской ночной бабочки, обнажая серебряную парчу нижней юбки с вышитым на ней блестящим терновником. Мелкая крошка чёрных алмазов вспыхивала под огнями сотен восковых свечей, оставляя в воздухе едва заметный искрящийся шлейф.

Я вёл её сквозь пространство, закручивая в вертикальных

и горизонтальных спиралях. Мы пролетали в опасной близости от обсидиановых плит, заставляя пламя свечей испуганно метаться и плавить чёрный воск. Моя левая рука крепко сжимала её хрупкую, фарфоровую ладонь. Несмотря на экстремально широкий каркас-панье, мешавший обычным движениям, в невесомости её тело обрело невероятную пластику. Она безупречно подстраивалась под мои резкие выпады и повороты, словно всю жизнь танцевала среди звёзд, а не ходила по твёрдой земле.

Музыка Тартини ускорялась, становясь всё более неистовой и технически невыполнимой. Мы вращались в самом центре Зеркального зала, и бесчисленные глянцевые поверхности вокруг дробили наши силуэты. В одном зеркале отражался мой белый лик Баута, в другом — её медные волосы с застывшими обсидиановыми змейками, в третьем — безумный вихрь из антрацитового шёлка и золотого шитья моего камзола. Мы словно стали единым элементом этой живой, пульсирующей геометрии Ада.

В самый пик этого сумасшедшего вращения, когда шёлковые воланы-пагоды на её рукавах коснулись моего плеча, я ощутил странную пульсацию. В потайном кармане камзола, прямо у сердца, часы Астарты внезапно стали горячими, словно раскалённый уголь. Бутон белой розы под мёртвой смолой отчаянно рвался наружу, реагируя на каждое прикосновение этой загадочной девушки.

А может, дело было вовсе не в часах Астарты и не в за-

колдованной розе? Быть может, это безумное пламя зародилось в моём собственном, веками спавшем сердце? Словно под воздействием изощрённого, сладкого дурмана, мы кружились всё яростнее. Рациональный разум судьи капитулировал перед первородной жадой. Я до боли стиснул её тонкую талию, упрямо прижимая девушку к себе, стирая последние барьеры между нами. Она отвечала мне тем же — сквозь плотную парчу камзола я физически ощущал обжигающий жар её ладони. Другой рукой она судорожно, почти отчаянно сжимала мои пальцы. Её цепкая, неистовая хватка была красноречивее любых признаний, она словно кричала: «Мне нужно больше. Больше, чем этот танец. Больше, чем весь этот Ад».

Напряжение между нами росло с космической скоростью, грозя разорвать ткань реальности. Я окончательно лишился холодного рассудка. В очередном затяжном, хищном выражении я увёл нашу пару за монументальную обсидиановую колонну, скрывая нас от любопытных глаз придворной касты. В то же мгновение я задействовал личную созидательную магию и перенёс нас в уединённое измерение, созданное только моей волей и закрытое для всей Вселенной.

Грохот оркестра Тартини и душный блеск Зеркального зала исчезли. Мы оказались под глухим, бесконечным ночным небом, которое низко нависало над нами, словно тяжёлое бархатное покрывало, щедро расшитое бриллиантовой россыпью чужих звёзд. Девушка резко, единым порывистым

движением сорвала с себя маску «Дама». Её распахнутые зелёные глаза страстно, лихорадочно сверкнули в прохладной ночной темноте. Чёрные змейки, до этого созидавшие её причёску, мгновенно обмякли, скользнули по её плечам вниз, прямо под наши ноги, и бесшумно растворились в мягком, прогретом песке этого тайного мира. Воздух прорезал свежий, солоноватый запах далёкого океана, и ласковая, едва заметная водяная гладь мягко дотронулась до наших ступней.

Я решительно шагнул вперёд, сокращая последнюю дистанцию. Мои руки легли на жёсткий лиф её платья. Нащупав пальцами скрытые швы утягивающего корсета, я применил демоническую силу — с глухим треском рвущихся шёлковых нитей и шнуровки наряд разошёлся. Тяжёлая ткань упала к её бёдрам, обнажив безупречную, светящуюся в лунном свете фарфоровую грудь, хрупкие очертания плеч и изящную линию тонких ключиц, которые судорожно вздымались от её рваного дыхания. Она была прекрасна в этой внезапной наготе.

— Тебе нельзя видеть моего лица, — глухо прошептал я, и мой собственный голос показался мне незнакомым, вибрирующим от сдерживаемой страсти.

Одним точным движением я оторвал длинный лоскут полупрозрачного шёлка от её юбки. Обойдя девушку со спины, я бережно, но крепко завязал ей глаза. Она покорно молчала. В её замершем силуэте не было протеста — она доверя-

ла мне безоговорочно и была согласна на всё, что последует за этой темнотой.

Как только шёлковая повязка скрыла от неё мир, я окончательно сбросил оковы условностей. Моя белая маска Баута полетела на песок. Я жадно, истосковавшись по живому теплу, припал к её губам. Поцелуй вышел властным, глубоким и требовательным. Она ответила на него с той же отчаянной страстью, сминая пальцами лацканы моего камзола. Пьянящий, чистый аромат её растрепавшихся медных волос окончательно ударил мне в голову, выжигая остатки судейской логики.

— Как тебя зовут? — едва оторвавшись от её влажных губ, прошептал я ей в самую шею.

— Камилла... — прерывистым, тихим выдохом сорвалось с её уст.

Потеряв последнее самообладание, мы вместе опустились на бархатистый, тёплый песок берега. Бесшумная, мерно набегающая гладь океанской воды слегка дотрагивалась до наших переплетённых тел, укрывая этот момент первородной нежности и страсти от взоров любых существ во Вселенной. Лишь звёзды сверху безмолвно взирали на то, как в самом сердце Преисподней рождалось что-то по-настоящему живое.

Глава 5. грех

Я лежал в своих покоях на огромной, пугающе просторной кровати с массивным резным изголовьем. Тёмное пространство вокруг меня безмолвно обнимали тяжёлые складки чёрного шёлкового балдахина, словно траурные знамёна моей утерянной свободы.

После той волшебной ночи под небесным покрывалом из звёзд наша мимолётная сказка безжалостно оборвалась. Карманное измерение схлопнулось, оставив после себя лишь горькое послевкусие. Моя прекрасная незнакомка крепко уснула, доверчиво склонив голову на моё плечо. А я... я с напускным, леденящим равнодушием активировал магию и перенёс её обратно. Туда, в сырую темноту стеклянной Судейской сферы, где уже через несколько часов, этим адским утром, я буду обязан вершить над ней суд.

Но действительно ли я был равнодушен?

Я смотрел в тёмный потолок, чувствуя, как внутри разрастается глухая, незнакомая тревога. Что, во имя Бездны, со мной произошло? Что сподвигло меня на столь вопиющее, непростительное безумство? Это было абсолютно не похоже на меня — на безупречного, системного принца Ада. У меня и раньше случались мимолётные интрижки с высокородными демонессами, но всё это оставалось лишь пустой,

пресной плотской забавой. Ни одна из них так и не смогла зацепить меня, оставить след в уставшей вечности. Да и как они могли? Все они были ослеплены моим престолом, моим статусом наследника Люцифера, и через призму этой жажды власти смотрели на меня самого. Они были фальшивкой, частью бездушной адской геометрии.

Но Камилла... В её хрупкой душе простой смертной крылось нечто первородное, живое и чистое. Что-то, что сумело пробить мою обсидиановую броню.

И как я поступил с ней? Каково ей сейчас очнуться там, одной, на холодном каменном полу, снова в том жутком углу судилища? Каково ей осознать, что сказка испарилась, вернув её в кандалы? Мой собственный разум разрывался от вопросов. Как я мог оставить её там? Но с другой стороны — как я мог не вернуть её, нарушив фундаментальный закон Отца?

Всё это было совершенно не вовремя, глупо, опасно. Как, скажите на милость, я буду её судить, глядя в эти изумрудные глаза? Теперь, кажется, пришла пора судить меня самого за измену собственной сущности.

Что же я наделал...

— Ладно, соберись, тряпка, — процедил я сквозь зубы, резко поднимаясь с постели.

Мне придётся явить ей суровый закон Ада. Никуда от этого не деться. Маховик правосудия запущен, и я обязан сыграть свою роль до конца, чего бы мне это ни стоило.

— Нет! — я яростно потрянул головой, отгоняя малодушные мысли. — Не могу я предать самого себя и трусливо бросить её там. Я безжалостный судья, но я не подлец!

Но что мне, чёрт возьми, делать? Система Отца не прощает сбоев.

«Так, решено. Пойду прямо сейчас, не дожидаясь рассвета. Изучу её личное дело в архивах. Или... или пускай она сама расскажет мне всё. Пусть поведаёт, почему в столь юном возрасте её земная жизнь оборвалась, а чистая душа очутилась в жерновах Преисподней. Главное — она не должна узнать во мне того парня с побережья. Моего истинного лица она не видела, а голос... что ж, судейский трон умеет менять голоса».

Я резко сорвался с кровати. Моё движение вышло слишком порывистым — я задел массивный стул, на котором небрежно висел праздничный камзол. Тот самый, в котором я ещё совсем недавно блистал в дьявольском танце.

Стул покачнулся, издав глухой скрежет. Из потайного внутреннего кармана скользнул и с негромким звоном упал на ковёр увесистый серебряный корпус. Подарок Астарты.

Я поднял его и машинально, почти ни на что не надеясь, отщёлкнул крышку. В ту же секунду дыхание спёрло в моей груди.

Бутон, прежде намертво запечатанный в склепе прозрачной смолы, раскрылся. Вопреки всем законам физики и природы, прямо под мёртвым глянцевым слоем распустилась

преlestная белая роза. Она завораживала своей первозданной, ослепительной белизной, которая казалась невозможной, кощунственной в этих тёмных обсидиановых покаях. Часы Астарты не солгали. Моя душа сделала свой выбор.

Я совершенно не помнил, как добрался до архива своего Адского суда. Разум был затуманен, а ноги сами привели меня в это колоссальное, погружённое во мрак хранилище. Сейчас я стоял возле бесконечных стеллажей, уставленных папками из тяжёлого чёрного бархата, в которых томились дела новоприбывших грешников.

Разумеется, хранить досье на каждую людскую душу физически невозможно — за эоны лет бумага просто погребла бы под собой всю Преисподнюю. Люцифер ценил системность, поэтому папки существовали недолго: как только над грешником свершалось правосудие и он получал индивидуальное наказание, его судебное дело мгновенно дематериализовалось, перерождаясь в элементарную структуру персонального ада. Надобность в бумаге отпадала.

Но пока подсудимая душа ещё не обрела свой вечный приют, эти досье лежали здесь. Обычно мой адский секретарь сам приносил их на судейский стол для предварительного изучения. Но сейчас, в предрассветный час, в огромном кабинете не было ни души. Стояла звенящая, мёртвая тишина.

Я судорожно повёл глазами по бесконечным полкам стеллажа. С трудом сфокусировав взгляд, наткнулся на сектор с архивной плашкой вчерашней даты. Да, это то, что нужно.

Оставалось лишь вычленить одно-единственное имя среди сотен умерших за сутки смертных.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул, пробуждая своё магическое судейское чутьё. Попытался вспомнить её энергетику, поймать едва уловимый шлейф аромата её медных волос, который так заморозил меня на побережье моего карманного мира. Мне нужно было почувствовать её... почувствовать Камиллу.

В следующую же секунду магия откликнулась. Одна из чёрных бархатных папок, словно подчиняясь невидимому магниту, плавно скользнула вперёд, слегка выступив из общего плотного ряда документов на полке.

Я резко выдернул её, едва не порвав завязки, и раскрыл на первом листе. Сердце пропустило удар. С пергамента на меня смотрел её каллиграфически записанный профиль. Ошибки быть не могло — это было дело Камиллы.

Я жадно впился глазами в сухие судейские строчки, ища причину, по которой эта хрупкая, чистая девушка очутилась в моих кошмарных владениях. В графе «Причина смерти и прибытия» багровыми чернилами было чётко, бескомпромиссно выведено лишь одно страшное слово:

Самоубийство.

Меня словно пронзила обжигающая грозовая стрела. Ответный удар судейского приговора выбил воздух из лёгких. Самоубийство... За что? Почему она так жестоко поступила с собой? Такая красивая, бесконечно юная... но при этом

поразительно смелая девушка, в чьих глазах я не разглядел и капли рабской покорности. Что могло толкнуть её на этот роковой шаг?

До прибытия моих адских подчинённых оставались считанные минуты. Скоро коридоры Судебного ведомства заполнят грохочущие конвои, ведущие новые полчища трепещущих грешников, и залы утонут в привычном предсмертном вое. Время неумолимо утекало сквозь пальцы.

Я совершенно точно больше не мог позволить ей оставаться там. Я не оставляю её сидеть в одиночестве на ледяном полу, ожидая участи быть растерзанной бездушной толпой демонов.

Вопреки всякому здравому смыслу, наплевав на железную дисциплину, которую Отец вколачивал в меня зонами, я бросил бархатную папку на стол и стремглав побежал обратно. Туда, где во мраке стеклянной сферы ждала Камилла. Мне нужно было забрать её оттуда немедленно. Забрать и надёжно спрятать от всевидящего взора Преисподней, чего бы мне это ни стоило.

Глава 6. Белое полотно

Оказавшись на пороге Судейской сферы, я на мгновение замер. На мне не было маски Баута — фарфоровый лик остался лежать на песке карманного мира, и теперь ничто не скрывало моё истинное лицо. Впрочем, я и судить её больше не собирался. По крайней мере сейчас, пока она лично не расскажет мне всю правду. Скрываться больше не имело смысла, условности сгорели. Я сделал глубокий вдох и стремительно шагнул под стеклянные своды.

Камилла сидела всё там же, в углу. На ней снова было простое белое ситцевое платье, а тонкие руки судорожно обнимали колени. Она выглядела разбитой, брошенной в этой холодной обители скорби.

— Камилла! — окликнул её я, и мой чистый, лишённый масочного искажения голос эхом разнёсся по пустой сфере.

Девушка вздрогнула и подняла голову. В её глазах, вновь обретших чистый изумрудный блеск, отразился целый спектр эмоций — от дикого шока до невыносимой, жгучей обиды.

— Это ты?! — с неподдельной болью выкрикнула она.

— Ты... узнала меня? — я опешил, всматриваясь в её черты.

— Где ты был?! Почему я снова здесь?! — Камилла рыв-

ком вскочила на ноги, задыхаясь от недоумения и подступающих слёз. На её запястьях мёртвым грузом звякнули невидимые фантомные цепи.

— Так, стой! Успокойся! — я в два шага преодолел разделявшее нас расстояние и крепко сжал её хрупкие плечи, заставляя замереть. — Слушай меня внимательно. У нас остались минуты. Тебе нужно бежать прямо сейчас, я спрячу тебя...

Но Камилла не дала мне договорить. С яростью дикой кошки она резко вывернулась из моих рук, разорвав захват.

— Нет! Не прикасайся ко мне, чёртов демон! Будь ты проклят! — со слезами, градом катящимися по щекам, она в гневе бросилась на меня, намертво вцепившись пальцами в ворот моей чёрной шёлковой рубашки.

Я застыл, ошеломлённый этой вспышкой первородной человеческой злости. Ни одно существо в Преисподней, ни один архидемон или грешный король за всю мою жизнь не смел позволить себе подобных вольностей по отношению к сыну Люцифера. Меня должны были умолять, передо мной должны были трепетать. А она... она презирала меня.

— Ты просто развлёкся со мной, а потом снова выбросил в эту проклятую темницу?! — её голос сорвался на хриплый плач, а кулаки бессильно заколотили по моей груди.

Время вышло. В коридорах ведомства уже слышался далёкий, леденящий душу скрежет приближающегося конвоя. Не зная, как иначе унять эту взбунтовавшуюся, охва-

ченную паникой грешницу, я перехватил её затылок и резко, бескомпромиссно накрыл её кричащие губы своими. Это был неистовый, горький поцелуй-приказ. Запечатав её крик, я мгновенно пробудил в венах тёмную магию принца Ада. Пространство Судебной сферы с оглушительным звуком схлопнулось, унося нас прочь из стеклянного капкана.

Мы перенеслись в абсолютно пустое пространство, напоминающее бесконечное белое полотно незавершённой картины. Здесь не было ни верха, ни низа, ни горизонта — лишь стерильная, звенящая белизна.

— Что это на этот раз? — устало, почти безжизненно спросила Камилла, оглядывая слепящую пустоту.

— Ты не дала мне договорить! В спешке я создал первое, что успел сотворивать мой разум, — раздражённо бросил я, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

— Кто ты такой?! — вновь сорвалась на крик девушка, и в её изумрудных глазах вспыхнул дикий, загнанный страх.

— А не слишком ли поздно ты задалась этим вопросом? — возмущённо выкрикнул я, теряя остатки судейского хладнокровия. — Знаешь, мне изрядно надоели твои человеческие вольности. Будь добра, веди себя потише! Я вообще-то пытаюсь спасти тебя от высшего суда! Или ты горишь желанием всю вечность мучиться в огненной геенне и отбывать суровое наказание за самоубийство?

Упоминание истинной причины её смерти подействовало мгновенно. Слезы на её щеках высохли, а гнев уступил место

леденящему оцепенению. Она затихла.

— Наказание? — с горькой, надломленной ухмылкой переспросила Камилла, и её голос прозвучал тише самого слабого эха. — Наказание было там, на Земле. Вся моя земная жизнь была одним сплошным, непрекращающимся наказанием.

Её слова отзывались во мне глухой болью. Я медленно подошёл ближе и осторожно взял её за руку. Маленькая, изящная фарфоровая ладонь беззащитно растворилась в моих пальцах.

— Что с тобой произошло? — уже тише, без былой резкости спросил я, заглядывая под её медные пряди. — Чтобы помочь тебе, мне нужно знать твою историю. Пойми это.

— Нет, сперва ты, — успокоившись, так же тихо, но упрямо потребовала Камилла. Она подняла на меня свой пронзительный взгляд. — Расскажу, кто ты. И зачем я тебе нужна? Я тяжело вздохнул. Обман исчерпал себя.

— Ладно... Я обезоружен перед тобой, и скрывать мне больше нечего, — я криво усмехнулся, глядя на наши переплетённые пальцы. — Меня зовут Аарон. И я не рядовой демон, к касте которых ты так поспешно меня причислила. Я — сын Люцифера. Верховный судья Ада. Именно я эонами вершил правосудие над людскими душами, взламывал их цифровые коды и лично назначал им круги наказаний. Мы встретились случайно. Но эта случайность сыграла со мной роковую, злую шутку. И теперь я здесь, в этом эфемерном

пространстве — беглый судья, прячущий собственную подсудимую... — с лёгкой, самокритичной насмешкой закончил я.

— Послушай, мне нужно уйти, — я мягко, но настойчиво перехватил её пальцы, чувствуя, как внутри нарастает глухой гул демонического зова. — Время на исходе. Я буквально физически слышу, как мои подчинённые уже разыскивают меня по всем этажам Судилица. Если они зафиксируют моё отсутствие в начале утреннего процесса, Отец узнает обо всём. Я должен явиться туда. Завершу самые неотложные дела и сразу же вернусь к тебе.

Я отчётливо увидел, как в изумрудных глазах Камиллы мгновенно вскипело возмущение. Она открыла рот, готовая выплеснуть на меня новую бурю своего праведного кошачьего гнева и обвинить в очередном предательстве.

— Чтобы предотвратить этот неизбежный взрыв и успокоить её мечущуюся душу, я действовал без слов. Подавшись вперёд, я нежно, но до умопомрачения глубоко поцеловал её в губы, вкладывая в этот жест всю ту непривычную, пугающую меня самого теплоту, что проснулась в моей груди. Камилла на секунду замерла, ошеломлённая этой внезапной лаской.

Прежде чем она успела опомниться и оттолкнуть меня, я разорвал поцелуй и шагнул назад. Магия принца Ада послушно отозвалась на мысленный приказ, и моё тело беззвучно растворилось в стерильной пустоте белого полотна,

оставив девушку в абсолютной безопасности моего тайного измерения.

Секунда — и я снова стоял посреди мрачного, пахнущего серой и застарелым страхом коридора Судебного ведомства. Судья вернулся на своё рабочее место, но прежним он уже не будет никогда.

Глава 7. Судья

Души грешников нескончаемой серой вереницей мелькали передо мной: безжалостные убийцы, трусливые воры, вероломные предатели... Скука смертная. Кого-то из них я обыденно отправлял в общие лабиринты страданий — на вечные симуляции вроде того огромного швейного цеха для эгоистичных кутюрье. Но были и те, кто за свои выдающиеся злодеяния удостоивался чести получить персональное, единоеличное пекло.

Именно такого мертвеца конвойные стражи Преисподней только что притащили к подножию моего судейского трона.

— Джозеф Грин, подданный Великобритании, тридцать восемь лет, — бесстрастно зачитал я выписку из дела.

«Что ж, достаточно молодой мужчина», — мысленно резюмировал я, бросив холодный взгляд сверху вниз на трясущуюся от первородного ужаса фигуру со смехотворной козлиной бородой.

Причина прибытия в Ад: создатель деструктивной неорелигиозной секты. Этот человек годами одурманивал разум отчаявшихся смертных, провозгласив себя земным мессией и новым живым Богом. Он хладнокровно выкачивал колоссальные деньги из карманов доверчивых прихожан, обещая им взамен мгновенное прощение любых грехов и гарантиро-

ванное спасение. Его преступление — это идеальный, абсолютный паразитизм на человеческой вере. Создание фальшивой реальности и мошенничество планетарного масштаба, до краёв подпитанное слепой гордыней. Грин украл у людей самое драгоценное, что у них было — их свободную волю, подменив образ Творца своим собственным эго.

Поскольку идеальная система моего Отца всегда наказывает грешника абсолютным выгоранием его же собственно-го порока, возмездие для Джозефа Грина должно быть безупречно просчитано. Наказание, призванное навсегда лишить его остатков разума. С деталями его преступлений я ознакомился ещё до того, как увидел подсудимого воочию, а теперь, глядя на его трусливое ничтожество, лишь окончательно убедился в верности своего решения.

Я медленно поднялся, и мой строгий, усиленный системной магией голос громом разнёсся по стеклянной сфере суда, заставив вибрировать прозрачные стены:

— Симуляция «Абсолютный Мессия». Таков мой окончательный приговор для Джозефа Грина. Привести в исполнение немедленно.

В ту же секунду Грин провалился не в сырую, тёмную темницу, как ожидал его трусливый разум, а в колоссальный, ослепительно белый, стерильный зал, больше напоминающий футуристический техно-храм. Архитектура этого места подавляла: безупречные глянцевые стены уходили в бесконечность, а сверху лился слепящий неоновый свет, лишая-

щий пространство каких-либо теней. Суть наказания была изящной в своей жестокости. Грин оказался заперт в пустом, замкнутом пространстве, где миллионы цифровых проекций его бывших последователей будут непрерывно, эон за эоном, возносить ему молитвы.

Фаза 1: Информационный голод и фальшивая паства.

Грин обнаружил себя стоящим на головокружительно высоком золотом пьедестале. До самого горизонта, насколько хватало взгляда, перед ним простирался океан коленопреклонённых безликих фигур. Миллионы манекенов смотрели на него со слепым страхом, благоговением и обожанием, протягивая истощённые руки и беззвучно умоляя о спасении.

В первое мгновение эго лжепророка восторжествовало. На его губах заиграла самодовольная улыбка — адская система как будто преподнесла ему на блюдечке именно то, чего он так жадно вожделем на Земле. Сначала его гордыня ликовала, но он и понятия не имел, что симуляция вскоре начнёт требовать от него невозможного — совершать истинные, божественные чудеса, исцелять и спасать.

Но это была лишь приманка. В следующую же секунду активировался заложенный мной системный алгоритм. Миллионы голосов прихожан одновременно, безжалостным цифровым потоком, ворвались прямо в его черепную коробку. В ушах Грина больше ничего не звучало — хор гремел внутри его собственного мозга. Терабайты чужой, нефильтрован-

ной боли, животного страха и отчаяния ежесекундно бомбардировали его сознание. Паства больше не молила — она яростно требовала. Голоса перебивали друг друга, сплетаясь в оглушительный гул: они требовали простить им кровавые убийства, мгновенно исцелить гниющие болезни, воскресить истлевших мертвецов и даровать несметные богатства. Мозг Грина плавился от этой невыносимой ментальной перегрузки.

Оглушённый, он попытался задействовать привычную иллюзию всемогущества. Лихорадочно, как на своих земных проповедях, Грин принялся делать широкие пассы руками, выкрикивая благословения и пытаясь «отпустить» им грехи или сотворить фальшивое чудо. Но в Аду его это было абсолютным нулём. Система послушно позволяла ему размахивать руками, но пространство оставалось недвижимым. Ничего не происходило. Ни одного чуда. Миллионная толпа внизу начала стремительно разочаровываться. На глазах Грина всеобщее обожание сменилось глухим, зловещим, а затем и яростным ропотом, перерастающим в чистую ненависть обманутых людей.

Фаза 2: Налог на веру (Обратная алчность).

Поскольку на Земле Джозеф сколотил своё состояние на фальшивых обещаниях, продавая воздух в обмен на реальное золото, адская система ввела для него персональный «Налог на веру».

Каждый раз, когда разочарованная, беснующаяся толпа у

подножия пьедестала выкрикивала в его адрес оглушительное: «Прости!», системный код запускал необратимую реакцию. С ментального тела Джозефа с корнем, сдирая слои души, вырывался квант его собственной жизненной энергии. Эта сила мгновенно материализовалась прямо в воздухе в виде тяжёлых, раскалённых добела золотых монет. С металлическим звоном они дождём сыпались к его ногам.

Золото, ради которого он лгал всю жизнь, стало его палачом. Монеты пылали первородным адским огнём. Нагреваясь всё сильнее, они начали с шипением прожигать металл его золотого пьедестала. Раскалённого золота становилось всё больше — оно прибывало с каждым выкриком беснующейся паствы, прибывало лавиной, пока бушующий золотой поток не покрыл всё его тело до самого горла. Грин захлёбывался от дикой, неопишуемой боли. Тяжёлый драгоценный металл насквозь выжигал его плоть, сплавляясь с костями и высасывая остатки сил. Он истошно умолял толпу замолчать, закрывал уши руками, но симуляция была запрограммирована безупречно. Прихожане кричали всё громче, требуя от своего ложного Бога новых и новых чудес, которых у него никогда не было.

Я устало опустил обратно на трон. Секретарь уже готовил к подаче следующую бархатную папку, но все мои мысли, вопреки профессиональному долгу, упрямо возвращались к беглой самоубийце, запертой на белом полотне моего тайного мира.

Глава 8. Лавка Князя Похоти

Изнуряющие суды наконец закончились. Сбросив с плеч тяжёлую чёрную мантию дьявольского судьи, я намеревался как можно скорее вернуться к Камилле. Внутри всё сильнее разгоралась тревога: я откровенно переживал, что она заперта там совсем одна, в этой звенящей стерильной пустоте белого полотна, дезориентированная и напуганная. Я до сих пор не находил логического ответа на вопрос, зачем вообще стал возиться с этой смертной девчонкой. Но отрицать очевидное было глупо — она прочно, намертво зацепила моё ледяное сердце.

Во мне проснулся какой-то чуждый, постыдный романтический скулёж. Да, моя обсидиановая душа именно скулила, а не пела. Мне было чертовски некомфортно выходить из привычных, выверенных веками рамок своей жизни, ломать устои и предавать собственные взгляды. Я всегда жил так, как надо системе, а не как мне вздумается. Впрочем, «вздумается» мне никогда ничего и не могло — мой разум всегда оставался безупречно строг, математически точен и подчинён сухой логике Отца.

Но раз уж я преступил непреклонный закон Люцифера, я был обязан довести это дело до конца. Только вот до какого? Что именно я должен был сделать? Помочь Камилле?

Но в чём конкретно заключается эта помощь? Не жениться же мне на ней, в самом-то деле... Ха-ха-ха. Ну и бредни. Издевательский смешок судьи прозвучал в пустоте кабинета фальшиво и глухо.

Я силой отбросил пустые, ходящие по кругу размышления, резко расправил свои мощные, иссиня-чёрные крылья и рванул вверх, направляясь в один потаённый, скрытый от лишних глаз закуток в глубинах Преисподней.

Там мой дядюшка Асмодей сугубо для души открыл небольшую ювелирную лавку. Ведь Асмодей правил не только похотью — он ведал первородной, безумной роскошью. В этой мастерской Князь Тьмы лично создавал уникальные ювелирные шедевры. Подобных творений невозможно было отыскать во всей обитаемой Вселенной. Я был уверен: даже в заносчивых чертогах Рая светлые ангелы при всём своём старании не смогли бы сотворить нечто более искусное и прекрасное.

Сама лавка Асмодея была произведением готического искусства. Снаружи её фасад был вырезан из монолитного тёмно-пурпурного порфира, а массивные двери отлиты из тяжёлого, матового чёрного золота — редчайшего сплава, который добывали на самых нижних, раскалённых кругах Ада. Витрины защищали стёкла из дымчатого обсидиана, сквозь которые тускло, соблазнительно переливались грани выставленных сокровищ.

Дядюшка, к моей удаче, оказался на месте. Облачённый в

безупречный камзол из винного бархата с расстёгнутым воротом, он вальяжно подпирал косяк двери и встретил меня прямо у входа.

— Аарон, мальчик мой! — его глубокий, обволакивающий голос, способный соблазнить самую бездну, разнёсся над тихой улочкой. — Ты нечастый гость в моих скромных чертогах. Я несказанно рад тебе!

— Дядя Асмо, — я приземлился, шумно сложив крылья за спиной, и постарался вернуть лицу судейскую бесстрастность. — На этот раз я пришёл сюда целенаправленно. Мне нужна твоя помощь. Помоги выбрать одно из твоих лучших украшений. В подарок...

Асмодей замер. На его порочно-красивом лице медленно расплылась проницательная ухмылка, а в янтарных глазах сверкнул лукавый огонёк.

— Так-так-так, я всё понял! — Князь Роскоши заговорщически подмигнул мне. — Та загадочная демонесса, с которой ты так неистово и страстно кружился на отцовском балу... Она всё-таки заслужила мою самую искусную цацку?

Я почувствовал, как краска приливает к моим скулам.

— А откуда ты...

— Мой дорогой мальчик, — Асмодей заливисто, искренне рассмеялся, похлопав меня по плечу ладонью, унизированной перстнями. — Неужели ты думал, что я за эоны своего существования не замечу, что мой маленький племянник Аарон наконец-то вырос? И, кстати говоря, по уши влюбился?

От его слов моё сердце непривычно, болезненно ёкнуло и пропустило тяжёлый удар. Влюбился? Я? Судья Ада влюбился в подсудимую грешницу-самоубийцу? От этой мысли внутри всё похолодело.

— Ни слова больше, Аарон. Не надо рассказывать мне дежурные басни о том, что это запоздалый подарок для Астарты. Я всё прекрасно понял по твоему взгляду, — дядюшка снисходительно улыбнулся и элегантно жестом распахнул передо мной тяжёлую дверь из чёрного золота. — Проходи.

И мы прошли внутрь его ювелирного святилища.

Интерьер лавки ошеломлял своей изысканной, тёмной эстетикой. Стены были затянуты шёлком цвета запёкшейся крови, а вдоль них выстроились витрины из проклятой платины — металла, который не поддавался обычному огню, но плавился лишь от жара чистой страсти. На бархатных подушечках покоились сокровища: тончайшие ожерелья из лунного и звёздного серебра, которое Асмодей лично контрабандой добывал из межзвёздных просторов, филигранные браслеты, инкрустированные каплями живой застывшей магмы, и кольца, которые оплетали редкие, меняющие цвет александриты и кровавые рубины. Каждое изделие дышало едва уловимой, манящей демонической магией.

Мой взгляд мгновенно зацепился за одно-единственное украшение, затмившее собой всё остальное вычурное великолепие лавки. Это был изящный кулон на невесомой витой цепочке из чёрнёного звёздного серебра.

Центром композиции служил потрясающий, крупный изумруд редчайшей огранки «бриолет». Камень имел безупречную форму капли и обладал столь чистым, пронзительным внутренним сиянием, что казался живым источником первозданного света. Эту драгоценную каплю со всех сторон ювелирно, с помощью тончайшей серебряной филигранны, обнимали изогнутые, гибкие веточки плакучей ивы, покрытые благородной тёмной патиной.

Я замер перед витриной, не в силах отвести глаз, и подумал про себя: «Я до сих пор не знаю, от какого невыносимого земного горя так сильно иссушилась и сломалась душа Камиллы. Я не знаю, какая тьма заставила её оборвать собственную жизнь. Но если в её новой, посмертной реальности на её ресницах когда-нибудь и появится слеза... пускай она будет только такой. Ювелирной, драгоценной, светящейся изумрудным теплом — под стать её невероятным зелёным глазам».

— Ни слова больше, я всё понял! — с искренним триумфом вскрикнул Асмодей.

Он ловко извлёк из-за витрины серебряный кулон и аккуратно уложил его в миниатюрную шкатулку, искусно вырезанную из ценного дерева и покрытую глянцевым чёрным лаком. Внутри неё покоилась мягкая подушечка из благородного алого бархата, на которой изумрудная капля вспыхнула с новой, ещё более гипнотической силой.

— Спасибо тебе, дорогой дядюшка, — негромко произнёс

я, бережно принимая драгоценный футляр.

— Аарон, послушай меня, — внезапно перебил меня Асмодей. Его весёлый, вкрадчивый тон мгновенно испарился. Голос Князя Похоти стал непривычно сухим, глубоким и пугающе серьёзным. — Когда-то очень давно твой Отец прошёл через персональные круги ада, выдержал страшные испытания и буквально с боем отвоевал свою любовь. Твою Маму. Я бы искренне не хотел, чтобы ты повторял его опасный, полный боли путь... Но я слишком хорошо тебя знаю. И я знаю, что твоя избранница — далеко не демонесса.

Я резко дёрнулся, готовый яростно отрицать очевидное, но Асмодей властно вскинул руку:

— Постой, дай мне договорить. Не пытайся оправдываться передо мной. Если ради неё тебе понадобится бороться — борись без страха. Понадобится умереть — умри, но не сдавайся. Нужно будет пойти напролом против воли самого Отца — иди и круши его правила! Ничто и никто во всей Вселенной не должен помешать тебе обрести и защитить свою любовь. Даже если эта любовь... к смертной девочке, которую ты тайком провёл на адский карнавал.

В янтарных глазах дяди на долю секунды блеснула чистая, почти отцовская гордость и теплота. Не дав мне вставить ни слова и не желая заставлять меня сгорать от стыда или подбирать фальшивые отговорки, Асмодей плавно отступил назад и буквально растворился в полумраке между переливающимися прилавков со своими проклятыми украшениями. Был

Князь Тьмы — и нет его. Лишь едва уловимый шлейф аромата дорогого табака и мускуса напоминал о его присутствии.

Я остался один. Крепко сжав лаковую шкатулку, я расправил крылья. Моё сердце разрывалось от дикой смеси леденящего страха перед гневом Люцифера и абсолютно безумного, окрыляющего вдохновения. С этой первородной бурей в груди я сорвался с места и устремился обратно, в белую стерильную пустоту к Камилле.

Глава 9. Смерть

Наконец я вновь оказался в своём эфемерном пространстве-холсте. Пока я летел сюда, разум рисовал самые жуткие картины: я думал, Камилла мечется от страха, плачет или доведена до отчаяния затянувшимся одиночеством. Я был внутренне готов к очередному громкому скандалу или буре её кошачьего гнева.

Но реальность оказалась иной. Я застал её тихой, почти безжизненной птицей, сидящей прямо на ослепительно белом полу. Она медленно, заворожённо водила своей изящной фарфоровой ладонью по пустоте, словно пыталась наощупь отыскать невидимые границы этого безупречного холста. В этом движении было столько хрупкой грации, что у меня перехватило дыхание.

Увидев, как из воздуха материализуется мой силуэт, Камилла не вздрогнула. Она лишь устало, немного грустно улыбнулась. Я безмолвно шагнул ей навстречу, опустил на колени и сел рядом, наплевав на величие судейского статуса.

— Ты всё-таки пришёл... — её голос прозвучал как тихий выдох облегчения. — Значит, мне теперь не придётся сойти с ума в этих бесконечных белилах.

— Прости, что заставил ждать, — искренне произнёс я, и в моих интонациях проскользнула чуждая для принца Ада мягкость. — Сегодня были особенно тяжёлые, изнуряющие

суды. Система не прощает задержек.

Камилла медленно повернула ко мне голову.

— А что будет дальше? — в её голосе задрожали надломленные нотки. — Где теперь моё истинное пристанище?

Она спросила это, и в её глазах-изумрудах, налившихся глубоким тёмно-зелёным оттенком, блеснули кристально чистые слезинки. Сердце в моей груди пропустило удар — я вспомнил о лаковой шкатулке с кулоном Асмодея, покоящейся в потайном кармане, но решил не прерывать момент.

— Для начала мне нужно разобраться, почему ты вообще попала в чертоги Преисподней, — я заглянул в самую глубину её пронзительного взгляда и аккуратно, стараясь не спугнуть, взял её за маленькую руку. — Расскажи мне свою историю. Без утайки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.